

ТЕОРИЯ БЮРГЕРСКОГО ИСКУССТВА ТОМАСА МАННА

Жучкова Анна Владимировна

канд. филол. наук,
доцент кафедры русской и зарубежной литературы
Российского университета дружбы народов,
РФ, г. Москва
E-mail: capra@mail.ru

THOMAS MANN AND HIS THEORY OF CITIZENS ART

Anna Zhuchkova

Candidate of Philological Sciences,
Associate professor, department of Russian and Foreign Literature,
Peoples` Friendship University of Russia,
Russia, Moscow

АННОТАЦИЯ

Теория бюргерского искусства Томаса Манна включает анализ «бюргерства» как явления социально-исторического, личностно-нравственного и культурно-философского. Манн не был однозначен в определении бюргерства. С одной стороны, он видел в нем проявление лучших сторон немецкого национального характера, таких как чувство долга, любовь к порядку, верность жизненной силе, человечность. С другой стороны, писатель понимал, что любая идея, возведенная в догму, становится опасной, и показал это на примере Германии, чьи лучшие качества обернулись во время Второй мировой войны своими противоположностями.

ABSTRACT

The theory of “citizens” art by Thomas Mann includes social, historical, personal, moral, cultural and philosophical aspects. Mann wasn't unambiguous in definition of “citizens”. Though he saw in them manifestation of the best qualities of the German national character, such as fidelity to duty, love to an order, vital force, humanity, together with it the writer understood that each idea which became dogma becomes dangerous. It was shown on the example of Germany, whose superior qualities turned into the worst during World War II.

Ключевые слова: бюргерство, Манн, теория бюргерского искусства, бюргер, Гете, Толстой, Германия, немцы.

Keywords: burghers/citizens, Mann, theory of burgher/citizens art, bürger, Goethe, Tolstoy, Germany, Germans.

Томас Манн, немецкий писатель-гуманист и философ XX века, придавал особое значение понятию «бюргерство». Помимо социального значения, он наделял этот термин культурно-философским смыслом и с гордостью заявлял: «Я горожанин, бюргер, отпрыск и далекий потомок немецко-бюргерской культуры». Для нас слово «бюргер» звучит германским эквивалентом русского «кулак», «зажиточный мещанин». Какой же поэтический животворный источник имел в виду Томас Манн, говоря о бюргерстве и бюргерском искусстве? Писатель даже разработал теорию бюргерского искусства, дав ей альтернативное название «теория золотой середины». Давайте проведем анализ значений понятий «бюргер» и «бюргерство», как общеупотребительных, так и тех, которые находил в них Манн:

1. Бюргер в буквальном, обывательском понимании

Томас Манн, описывая бюргерство как социально-историческое и культурно-философское явление в теоретических работах «Любек как форма духовной жизни», «Гете и Толстой», «Гете как представитель бюргерской эпохи», «Германия и немцы», «Толстой», «Слово о Чехове» и др., в узко

социальном аспекте бюргерской формы жизни не находит никаких отрицательных либо даже настораживающих моментов. Далее мы предлагаем вольный субстрат высказываний Манна о социально-исторической природе бюргерства: бюргерство — порождение удачных времен, благополучного стечения обстоятельств в жизни немецких городов XV—XIX веков. Исторически бюргерство зарождалось в ограниченной социальной сфере, отличительным признаком представителей которой была материальная независимость. Бюргер — это средний собственник, так сказать выразитель национального немецкого характера. Бюргеру присущи рационализм, методичность, любовь к порядку, стремление к компромиссам, преданность труду, желание доставлять приятное себе и окружающим.

2. Бюргер как тип личности

В Гете, величайшем немецком поэте, Томас Манн выделяет и высоко оценивает типично бюргерские черты: Начатое, Гете всегда доводил до конца, даже если оно становилось бесполезным: «Возможны лишь два пути достижения значительной цели, — говорит Гете, — насилие и методичность» [6, с. 48]. Гете никогда не забывал потребовать причитающийся ему гонорар, даже когда дело шло о каком-нибудь общественном и полезном мероприятии. Ему было глубоко чуждо титаническое, богоборческое начало, и свойственна внутренняя человечность, но в силу бюргерской приверженности законам, он подписал смертный приговор юной детоубийце, которую даже герцог собирался помиловать. А главное, что выделяет в психотипе Гете Томас Манн, однозначно находя в этой черте проявление бюргерства, — это «уверенность в благосклонности жизни» [6, с. 62].

Как мы видим, далеко не среднестатистического бюргера ставит Манн в центре своей теории. Для него понятие бюргерства олицетворяет все лучшее, человеческое и доброе, что свойственно людям.

Понятие бюргерства как материально обеспеченного класса для Манна неотделимо от интеллигентности, внутреннего благородства и ответственности

за судьбы мира. Он считает, что именно в периоды экономического подъема, в периоды материального процветания и, соответственно, расцвета бюргерства человечество создавало великие духовные традиции. Лев Гумилев, создавший теорию пассионарности, мог бы быть согласен с Манном, поскольку также считал, что период духовного расцвета нации, связанный с интенсивным развитием культуры и искусства, наступает лишь после периода материального благополучия. Но Гумилев указывал, что интерес к таким нематериальным ценностям является признаком упадка пассионарной энергии нации и первым шагом к ее умиранию [2].

Томас Манн же связывает бюргерское материальное и нравственное процветание с периодом наивысшей силы, цветения как нации, так и личности. По его мнению, бюргерскими являются лучшие человеческие качества, такие как совесть, долг, нравственность, мораль.

3. Бюргерское начало как философско-нравственное понятие

Этическое начало у Томаса Манна совпадает с понятием бюргерского. Это сознание жизненных обязанностей, стремление к деятельности, к творческому изменению жизни, к развитию. Оно заставляет человека создать дом, семью, подвести под свою духовную жизнь твердый, достойный, одним словом, бюргерский фундамент.

По сути, Томас Манн выражает здесь идею золотой середины, то есть почти недостижимого идеала, совмещающего крайности.

А ведь это немецкая идея, — говорит Манн, — ибо разве не является сущностью немецкого характера середина, среднее, а немец — средним человеком в самом высоком смысле этого понятия? «Немецкий дух», согласно Манну, значит то же, что середина, а середина то же, что бюргерство, и оно так же бессмертно, как немецкий дух.

Итак, бюргерское — это человеческое и человеческое. Лучшее, что свойственно человеку. Соответственно, из трех ипостасей: дух, душа и инстинкт — Манн как высшую форму выбирает душу. «Душа — это промежуточная, посредничающая инстанция, обильно наделенная

поэтическими задатками, где дух и инстинкт растворяются друг в друге» [7, с. 193]. Если дух — это божественное начало, инстинкт — животное, то душа — самое человеческое, человеческое.

И, конечно, раз человек — венец творения, то он должен быть совершенен и физически. Бюргерский идеал — это отменно здоровый, сильный, естественный человек, белокурый и голубоглазый, жизнерадостный и жизнелюбивый, это Ганс Гансен, Тадзио, а в реальной жизни для Манна это Гете, Толстой. Манн называет таких людей сынами природы, щедро наследующими ее блага. Он говорит об их любви ко всему природному, земному, чувственному, к удовольствиям, радости, красоте: «Толстому знакома великая простая любовь к жизни, вечно детская радость бытия, которая воодушевляла и Гете» [5, с. 556].

Толстого и Гете он именует божественными. Не в христианском, а в языческом смысле. Говоря о животнo-божественной ценности человека, о полноте ощущений, которые дарует инстинкт, о радости пользоваться ими, писатель указывает, что прообразами мифологических богов были люди яркой индивидуальности, обладавшие беспредельной привлекательностью духовного и физического порядка. Не только прошлое, но и будущее человечества Манн видит в новом витке бюргерства, в социальном единении людей и всеобщем счастье.

Но не стоит думать что Манн, создав эту теорию, отрекся тем самым от непредсказуемого разнообразия мира.

Как писал современник и соотечественник Манна Г. Гессе, «нехорошо, когда человечество перенапрягает разум и пытается с помощью разума привести в порядок вещи, которые разуму еще совсем не доступны. Так возникают разные идеалы... они чрезвычайно разумны, и все же они страшно насилюют и обирают жизнь, потому что очень упрощают ее» [1].

И Манн, признавая Гете представителем бюргерской эпохи, а Толстого языческим богом, не останавливается перед, казалось бы, саморазрушением собственной теории.

4. Бюргерство как пафос середины

«Если присмотреться ближе, — пишет Манн, — то в Гете, как только прошла невинная пора его молодости, проступают черты глубокой скорби и угрюмости, неизбывной безрадостности, которые, без сомнения, каким-то глубоким, жутким образом связаны с его безверием, его индифферентностью... Тут и своеобразная холодность, и злобность, и злоречие, и сатанинско-брокенские настроения, и стихийно-демоническая, чреватая всякими неожиданностями игра сил... Из одного глаза глядит у него ангел, — вспоминал некий дорожный знакомый Гете, — из другого — дьявол, и в каждом его слове — глубокая ирония над всеми делами человеческими» [6, с. 57]. Предоставляя слово самому Гете, Манн подтверждает вышесказанное: «С высоты разума вся жизнь представляется злым недугом, а мир — сумасшедшим домом» [6, с. 64].

В вымученную мораль Толстого Т. Манн просто не верит, откровенно сомневаясь в подлинности пацифизма, которую «пророк гуманности» выставил на всеобщее обозрение.

«Тургенев, со свойственной ему проницательностью, — пишет Манн в эссе о Толстом, — вынес приговор Толстому, сказав, что его последняя и ужаснейшая тайна в том, что он не способен любить никого, кроме самого себя» [5, с. 536]. Далее он цитирует Горького, по чьим словам, «Толстой все-таки думал или, может быть, иногда надеялся, что природа сделает исключение по отношению к нему и дарует ему бессмертие плоти» [5, с. 408].

В чем причина нарушения стройности теории? В том, что Гете и Толстой слишком увлеклись одной стороной медали. Толстому, по мнению Манна, не стоило так насиловать свой разум, пытаться сделать из себя пророка, объясняющего все противоречия и закономерности мироздания. Предельное усилие разума, стремление подчинить течение жизни только разуму, приводит к его деградации. Заканчивая статью «Гете и Толстой», Манн говорит об иронии. Толстой был слишком серьезен, в то время как ирония — «пафос середины. Она ее этика и мораль. Ирония направлена в обе стороны, она резвится между контрастами и не спешит встать на чью-либо сторону и принять

решение...» [5, с. 603]. А в статье о Чехове добавляет: «Жизненная правда *по природе своей иронична*» [курсив Манна] [8, с. 528]. Ведь «человек — хозяин противоречий, через него они существуют, а значит, он благороднее их» [3, с. 215].

Если же человек не справляется с противоречиями и решается следовать путем прямым и догматичным, то это выводит его из золотого сечения благополучного бюргерства. И последствия могут быть страшны.

5. Бюргерство как национальная немецкая идея

В первую очередь, Т. Манн писал, конечно, о своем народе, о немцах. Он признает бюргерство характерной немецкой чертой — в нем соединились лучшие свойства этой нации: любовь к порядку, к труду, душевность, глубокий лиризм, но в нем же заложена и опасность. Это, как и в любом явлении, — опасность противоположности. Любовь к порядку превращается в «меднолобость» (этот нелюбимый термин позволяет себе не автор статьи, а представитель той же нации, Э.М. Ремарк), рационализм — в ограниченность, вера в идею — в фанатизм.

После Второй мировой войны Манн сказал: «Нет двух Германий, доброй и злой, есть одна-единственная Германия, лучшие свойства которой под влиянием дьявольской хитрости превратились в олицетворение зла. Злая Германия — это и есть добрая, пошедшая по ложному пути, попавшая в беду, погрязшая в преступлениях и теперь стоящая перед катастрофой» [4, с. 324—325].

И все же Манн верит в ту национальную основу, которая не поддается разложению и смерти, которая — в торжестве жизни. И бюргерское искусство, и бюргерство как высшая форма духовности — это пафос середины, идея человечности, совмещающая противоречия в любви к человеку и к жизни, таким какие они есть.

Список литературы:

1. Гессе Г. Степной волк. — М., 1994 / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://flibusta.net/b/221294/read> (дата обращения: 16.06.2015).
2. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. — М., 2005. — 512 с.

3. Манн Т. Волшебная гора // Собр. соч. в 10 тт. Т. 4. — М., 1959. — 543 с.
4. Манн Т. Германия и немцы // Собр. соч. в 10 тт. Т. 10. — М., 1961. — 696 с.
5. Манн Т. Гете и Толстой. Фрагменты к проблеме гуманизма // Собр. соч. в 10 тт. Т. 9. — М., 1961. — 683 с.
6. Манн Т. Гете как представитель бюргерской эпохи // Собр. соч. в 10 тт. Т. 10. — М., 1961. — 696 с.
7. Манн Т. Доктор Фаустус // Собр. соч. в 10 тт. Т. 5. — М., 1960. — 693 с.
8. Манн Т. Слово о Чехове // Собр. соч. в 10 тт. Т. 10. — М., 1961. — 696 с.